

Пролог, в котором старому дьяволу приходит конец

В долинах Глостершира еще лежал густой октябрьский туман, но достопочтенный господин Кэмден Ратледж встал до рассвета, чтобы подкрепиться обычным для него завтраком — черным кофе и двумя ломтиками хлеба, тонко намазанными маслом. Когда в доме раздались леденящие душу крики, он уже более часа старательно, хотя и без всякого интереса, корпел над изучением финансового состояния дел имения. Для своего занятия он выбрал кабинет отца. Впрочем, если излагать события в строгой последовательности, в этот момент — или чуть раньше — кабинет уже перестал принадлежать его отцу.

Из старомодной учтивости комнату называли «кабинетом его отца», несмотря на то что распушенный старый дьявол никогда не утруждал себя никакими другими занятиями, кроме азартных игр. И уж конечно, он ни разу не заглядывал в амбарную книгу. Более того, домоправительница Халкот-Корт, женщина в годах, клялась, что за все годы ее службы даже носок ботинка графа Трейхерна не показывался в этой комнате. Правда, в один особенно бурный предновогодний вечер он был замечен за тисканием служанки в коридоре, совсем рядом с кабинетом.

Но оставим в стороне недостаток учености его отца. Главное, Кэма оторвали от важных дел крики, о которых говорилось выше. Они начались ровно в семь пятнадцать и были явно женскими. Кэм пришел к такому выводу на

основании того, что они были громкими, пронзительными и несмолкающими. Гул, вызванный ими в древних коридорах Халкота, отдавался эхом от увешанных гобеленом стен, заставив целую армию слуг выскочить из кухни и кладовок. Всем не терпелось узнать, что опять натворил старый лорд. И все они понеслись мимо кабинета на шум, грохоча башмаками по крепкому дубовому полу. Так как подобная обстановка совершенно не располагала к выполнению и без того невыполнимого задания, Кэм, вскочив со стула, устремился к двери, но в этот момент на пороге возник дворецкий, выглядевший бледнее обычного.

— Боюсь, это новая гувернантка, сэр, — без предисловий сообщил он, поскольку ему было известно, что молодой хозяин предпочитает узнавать плохие новости так же, как предпочитает пить виски — неразбавленным, в малом количестве и редко.

Кэм возмущенно швырнул на стол новое перо.

— О господи! Что на этот раз?

— Она в коридоре, наверху, сэр, — поколебавшись, ответил посеревший дворецкий.

— Я уже понял, Милфорд, — приподнял черную бровь Кэм.

— И она... не совсем одета, то есть совсем раздета, сэр.

— Неужели? — Кверху взмыли обе брови. — И что, никто не может принести ей халат?

Крики немного стихли. Милфорд откашлялся:

— Да, сэр, миссис Нафлз позаботится об этом, но речь скорее о... его светлости. Боюсь... э... гувернантка была в его... вашего отца... спальне... и...

— Черт возьми, Милфорд! — Вопреки желанию Кэм схватился за виски. — Прошу, не говори мне.

— Ах, сэр, — скорбно произнес дворецкий, — боюсь, что...

Кэм попытался заставить себя не реагировать, но, учитывая непристойные склонности отца, унижение было, видимо, неизбежным.

— Что ж, его голая задница — чертовски неприглядное зрелище, — без обиняков заявил он. — Я бы, пожалуй, тоже закричал.

— Да... то есть нет... — Милфорд потряс головой, будто собираясь с мыслями. — Вернее, я бы даже сказал, что у его светлости абсолютно голый зад... то есть он голый, сэр. Но кроме того, боюсь, что он... он...

— Да говори же ты, наконец!

— Он мертв.

— Мертв? — Кэм недоверчиво посмотрел на слугу. — Мертвый, как в... — Он сделал неопределенное движение рукой.

— Ну... просто мертв, сэр. Как обычно. Это, простите мою смелость, наверное, от переутомления. Миссис Нафлз говорит, что это, конечно, удар, поскольку его светлость покраснел больше, чем всегда. Я бы сравнил цвет его лица с неудачным бургундским. И глаза выкатились еще больше, чем... в общем, не важно. Как бы то ни было, он человек в летах, а гувернантка, мисс Эггерз... довольно живая и...

— И явно обладающая чрезвычайно сильными легкими, — сухо перебил дворецкого Кэм.

К этому моменту крики перешли в истерические рыдания.

— Да, сэр. Очень хорошие... легкие, сэр.

— А где моя дочь, Милфорд? Смею ли я надеяться, что она не была свидетельницей катастрофы?

— О да, сэр. Мисс Ариана еще поживает в детской.

— Хорошо. — Кэм опять сел. — Благодарю, Милфорд. Ты свободен.

— Благодарю вас, сэр. То есть... милорд. — Дворецкий начал пятиться из комнаты, потом остановился. — Кстати, милорд, что нам теперь делать? С молодой дамой? Мисс Эггерз?

Кэм раскрыл еще одну амбарную книгу и, не поднимая головы, стал переписывать цифры в аккуратную колонку.

— А как долго, — наконец спросил он, — мисс Эггерз согревала постель моего отца? И насколько охотно?

Дворецкий не стал изображать неведение. Скрестив руки за спиной, худосочный, костлявый дворецкий посмотрел в потолок и сделал мысленный подсчет.

— Около двух месяцев, по словам домоправительницы. И, судя по всему, девушка очень желала стать новой леди Трейхерн.

— Ну, тогда все просто, не так ли? Я, безусловно, не собираюсь жениться на ней, так что посадите ее в следующую почтовую карету, отправляющуюся в Лондон.

— Да, милорд. А... тело?

Опершись локтями о стол, Кэм тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

— Пошли за священником, Милфорд. Ничего другого сделать для отца не могу. Теперь он в руках Господа. И я Господу не завидую.

Хелен де Северз вскинула голову и, блестя глазами, стала рассматривать сидевшего напротив пожилого господина, со снисходительным безразличием откинувшегося на спинку кресла. За открытым окном раздавались стук проезжающих экипажей, грохот подвод, истошные крики утреннего торговца овощами, направлявшегося к стенам Старого города.

Оживленный шум улицы резко контрастировал с гнетущей тишиной кабинета, стены которого были обиты дубовыми панелями. Наконец стряпчий подался вперед, упершись длинными пальцами в стол, словно готовился встать и проводить молодую посетительницу к двери.

Но вместо этого старик откашлялся и начал барабанить пальцем по крышке стола, как бы подчеркивая значительность предупреждения, которое собирался произнести.

— Мисс де Северз, вам необходимо осознать все обстоятельства работы в этом месте, — сказал он, насупив седые брови. — Боюсь, ребенок лорда Трейхерна... э... довольно... как бы это выразиться... странный.

Хелен де Северз, прямая спина которой демонстрировала решительность, сумела выпрямиться еще на пару дюймов. Она была высокой женщиной, запугать ее было нелегко, да и такая поза обычно действовала на собеседника.

— Прошу прощения, какой, вы сказали, ребенок? — насмешливо переспросила она.

— Странный. То есть не совсем нормальный, — холодно повторил стряпчий.

Хелен подавила раздражение.

— Я привыкла к непростым случаям, мистер Брайтсмит, — сказала она с натянутой улыбкой. — Насколько я понимаю, меня и пригласили из-за сложности этой работы, не так ли? Но странный и ненормальный кажутся мне довольно резкими словами по отношению к любому ребенку.

Стряпчий пожал плечами:

— Мне дали понять, что девочка может оказаться безнадёжно тупой. Мы просто не знаем. Вряд ли даже вам удастся что-то сделать. Однако лорд Трейхерн, видимо... не теряет надежды. Он хочет нанять для девочки человека, имеющего специальную подготовку и опыт.

Хелен долго молчала. С тех пор как она вернулась из-за границы, жизнь в Лондоне была невероятно скучна. Кроме того, дальнейшее бездействие самым плачевным образом скажется на ее материальном состоянии. Ей необходимо получить это место, и не только ради денег. У ее няни преклонного возраста плохо со здоровьем, и она должна оставаться в Англии. Но более всего Хелен нужна захватывающая работа, ибо, пытаясь заниматься чем-либо другим, она поняла, что не может быть счастлива без любимого дела.

А рассердив не столь просвещенного стряпчего лорда Трейхерна, она, естественно, не получит это место. Ее ведь готовили учить детей, а не напыщенных стариков, напомнила себе Хелен. Оценив ситуацию, она взмахнула рукой в изящной перчатке и наградила Брайтсмита самой очаровательной из своих улыбок. А от такого взгляда может растаять сердце даже суровейшего мужчины. Она видела, как часто ее покойная мать использовала этот прием — и довольно безжалостно.

— Дорогой мистер Брайтсмит, я абсолютно уверена, что способна помочь его светлости. Прошу вас, будьте настолько любезны и сообщите мне что-либо об этом ребенке. Человек с вашим опытом может оказать неоценимую помощь в такой непростой ситуации.

Стряпчий явно смягчился и, порывшись в бумагах, вытащил большой лист.

— Итак, Ариане шесть лет. Она живет в Глостершире с вдовствующим отцом, лордом Трейхерном, который поручил мне найти... специального учителя. Очень квалифицированного, имеющего опыт работы с подобными детьми. Боюсь, мисс де Северз, что больше мне ничего не известно.

— А по поводу расстройств у ребенка?

— Расстройств? — Брайтсмит растерянно посмотрел на нее. — Ребенок не говорит! Она немая!

От раздражения Хелен опять забыла жеманно улыбнуться.

— Немая? — лукаво спросила она. — Вы имеете в виду, что она не может говорить, сэр? Или не хочет говорить?

— Неужели, мисс де Северз, тут есть разница, которой я не улавливаю? — слегка занервничал старик. — По моему, все просто — ребенок не может говорить.

Разница была, и довольно существенная, однако Хелен не собиралась утруждать себя разъяснениями и метать бисер перед свиньями. Она просто откинулась на спинку стула и только в этот момент почувствовала, как напряженна ее поза.

— Понятно. И ребенок никогда не говорил? Даже совсем малышкой?

— О, да! Именно так. Младенцем девочка начала что-то лопотать, но теперь, похоже, у нее совсем не получается.

— А! Я изучала несколько подобных случаев.

— Правда? — Казалось, на миг она даже выросла в глазах стряпчего, затем, будто вспомнив, что перед ним лишь женщина, он посуровел. — Ребенок выглядит вполне здоровым. Я сам видел ее. Хотя взгляд у нее... какой-то дикий.

— Вправе ли вы сказать мне, что с ней случилось, мистер Брайтсмит? — довольно резко спросила Хелен, но, заметив его надменный взгляд, тут же почтительно опустила глаза. — Видите ли, сэр, я ведь не смогу помочь девочке, не имея представления об обстоятельствах ее жизни.

— Обстоятельствах?

— Да. Я приглашена сюда потому, что у меня есть опыт работы с детьми, которые, как вы говорите, имеют трудности. Более того, я изучала много аналогичных случаев, и, с моей точки зрения, внезапная потеря речи у детей, до того развивавшихся вполне нормально, часто вызвана каким-то обстоятельством или кризисом. — Задумавшись на мгновение, Хелен нахмурила брови. — Возможно, это какая-нибудь опухоль, давящая на... Или, может, ее ударили по голове? Конечно, способна нарушить нормальное развитие девочки и душевная травма...

— ...Благодарю, мисс де Северз, — перебил ее Брайт-смит, сделав предупреждающий жест. — Можете быть уверены, ребенок не получал никакой травмы, и я уже убедился, что вы имеете достаточную квалификацию для работы в этом месте. Вам наверняка известно, что письмо от вашей немецкой баронессы из Пассау содержит много дифирамбов в ваш адрес, как и ваши прежние рекомендации.

Хелен довольно часто проходила собеседование, чтобы понимать, когда чаша весов склонилась в ее сторону.

— Вы очень добры, сэр, — тихо сказала она и замолчала в ожидании.

Словно прочитав ее мысли, стряпчий придвинул к ней запечатанное письмо.

— Должен сказать, мисс де Северз, вы слишком дорого стоите для гувернантки... или кем вы там работаете.

— Гувернанткой, — покладисто согласилась Хелен.

— Вопреки моему мнению его светлость согласился на ваши чрезмерные требования. Девяносто фунтов в год и задаток в половину суммы. Мне требуется ваша подпись вот здесь. — Он протянул ей документ. — Подтверждающая ваше намерение отработать у Трейхерна весь срок. Прежние гувернантки долго не задерживались, а он хочет, чтобы в жизни его дочери было определенное постоянство.

— Разумно и справедливо. — Хелен подписала документ, мысленно поблагодарила Господа и, взяв конверт, положила в сумочку. Аванса достаточно, чтобы отремонтировать ее

старый домик, а также купить няне угля на зиму. — Кроме того, если это вас успокоит, сэръ, я, пожалуй, чуть больше чем гувернантка. Его светлость не будет разочарован, — добавила Хелен с уверенностью, которой не испытывала.

— Смелое утверждение, мисс де Северз, — ответил Брайтсмит и начал писать адрес.

Хелен снова улыбнулась:

— Я всегда думала, что Вергилий выразил это лучше всех. Судьба любит отважных. Мне кажется, я верно перевела, не так ли?

— Да, совершенно точно, — сухо произнес стряпчий, протягивая Хелен сложенный лист. — Это разъяснение, как вам добраться, мэ́м. Вас ждут в Честоне-на-Водах через неделю, во вторник.

Хелен почувствовала, что у нее перехватило горло.

— В Ч... Честоне?

— Есть какие-либо сложности? — Брайтсмит устремил на нее пристальный взгляд.

— Нет. — Она с трудом проглотила комок в горле и зажала в руке бумагу. — Вовсе нет.

— Прекрасно. — Стряпчий встал. — И еще, мисс де Северз...

— Да?

— Непременно захватите с собой что-нибудь черное. Ленты и все такое. В доме его светлости траур.

Хелен машинально кивнула, словно в трансе, покинула кабинет, прошла через приемную и спустилась по длинной лестнице на улицу. Пройдя к нанятому экипажу, она дрожащей рукой оперлась на него и даже не заметила кучера, бросившегося ей на помощь.

Невидящим взором она уставилась на листок бумаги, который вручил ей Брайтсмит. Не может же быть. Неужели тот самый Честон? Так близко от Халкота... Это невозможно. Ведь прошло больше десяти лет. Да и Глостершир — старое графство, там множество прекрасных имений, но она никогда не слышала о графе Трейхерне.

Пока Хелен пыталась успокоить себя, прогрохотавшая мимо пустая тележка забрызгала грязью подол ее платья.

— Слушайте, мисс, я не могу ждать целый день, — заволновался кучер.

Она наконец развернула листок бумаги, вглядываясь в нацарапанные пером буквы. «Кэмден Ратледж, лорд Трейхерн. Халкот-Корт, Честон-на-Водах, Глостершир». Все закружилось у нее перед глазами.

— Мисс? Вам плохо? Что это с вами?

Голос, теперь уже настойчивый, доносился из темной глубины. Хелен почувствовала, что кучер распахнул дверцу кареты и подталкивает ее внутрь. Кэмден Ратледж, лорд Трейхерн...

— Лучше доставлю вас побыстрее в Хэмпстед, так? — неловко добавил кучер, захлопывая за ней дверцу.

— Д...да, — согласилась Хелен, но он уже торопливо взбирался на козлы и не слышал ее.

Глава 1 **Мисс Мидлтон** **едет домой, в Глостершир**

Новоиспеченный граф Трейхерн стоял у окна спальни, рассеянно прихлебывая остывший кофе и размышляя над недавними событиями в своей жизни, когда на подъездной аллее появилась его большая дорожная карета, возвращавшаяся из соседней деревушки Честон. За ней тащилась незнакомая лорду Трейхерну повозка. Граф устало взирал на безупречно подстриженные газоны Халкот-Корта, на то, как тусклый ноябрьский свет отражается от блестящей крыши экипажа, и гадал, какие шаги ему следует предпринять дальше.

Он не любил неопределенности, ибо предпочитал быть хозяином положения, однако прошедший месяц выдался более трудным, чем он ожидал. Смерть отца, конечно, освободила его от тяжелого бремени, но оказалось, что это была только одна проблема в бесконечной веренице других.

И самой настоятельной из этих проблем явилась Ариана. После отъезда ее последней гувернантки, пусть даже

некомпетентной, девочка еще больше погрузилась в свое непонятное молчание, и Кэм пребывал в растерянности, не представляя, что он может сделать для ребенка. За все свои двадцать девять лет граф никогда не чувствовал себя таким одиноким и таким старым.

Пока его камердинер бесшумно убирался в спальне, Кэмден смотрел на карету и вдруг стал молиться о том, чтобы она принесла хотя бы часть того, что ему сейчас так необходимо в жизни. Как это ни странно, у него появилось нелепое ощущение, что так оно и будет, хотя он никогда не принадлежал к числу оптимистов.

Захрустел гравий, карета подъехала к ступеням лестницы, через секунду один лакей бросился открывать дверцу экипажа, а второй начал выгружать багаж. Сквозь открытую дверцу Кэм увидел грациозно протянутую руку и полосу белой кожи между перчаткой и манжетой. И рукав, и перчатка были удивительного густо-лилового цвета, как хорошо ограненный аметист при свете свечей. Неброский и в то же время насыщенный цвет.

На первый взгляд ничто в прибывшей женщине не напоминало гувернантку — ни ее наряд, ни манера держаться. Кэм даже не мог объяснить, почему он так решил. Она спустилась по ступеньке на дорогу. Ее темные блестящие волосы были уложены в строгую прическу, которая всегда ассоциировалась у Кэма с обликом гувернантки. Но у этой женщины и прическа выглядела необычной, поскольку ее венчала темно-лиловая шляпка с легкомысленным черным пером.

Фореиторы выгружали багаж, а она, стоя у повозки, руководила ими как-то чересчур решительно, явно по-галльски. Боже милостивый, она что, приехала навсегда? Ведь перед дверью его особняка уже выросла гора коробок и сундуков. Кэм оторопел. Он никогда не видел, чтобы у гувернантки имелось столько вещей, да и путешествовать с таким огромным багажом весьма затруднительно.

Это казалось не совсем подходящим. Она ведь приехала в сельскую местность, здесь ей вряд ли понадобятся наряды и украшения, если таковым было содержимое ее

багажа. А из чего же еще он мог состоять? Граф вспомнил, что поначалу имя мисс де Северз, явно французское, вызвало у него сомнения, когда Брайтсмит порекомендовал ее. И возможно, его колебания были оправданными.

Ему нужна крепкая духом, лишенная причуд англичанка, но по мере того, как росла груда багажа, у Кэма возникло опасение, что он получит совсем иное.

Будь проклято это его «везение».

— Крейн, — позвал он камердинера, старательно чистившего его сюртук. — Посмотри. Что это за багаж, на твой взгляд?

Дородный камердинер подошел к окну.

— Милорд... это в основном багажные ящики. Четыре. — Он пристально всматривался. — Еще два сундука, дорожный несессер и складная дорожная сумка. Она перевязана веревкой.

— Отличное зрение, — пробормотал лорд Трейхерн, переводя взгляд с багажа на новую гувернантку.

Он не мог отвести от нее глаз, как ни старался. Хелен де Северз завораживала даже издали. Несмотря на высокий рост, она шла по дорожке легко, почти грациозно. Не семенила, как большинство женщин, а шла, уверенно поднимая подбородок и развернув плечи.

Черная накидка и платье соответствовали трауру, царившему в доме, но она будто светилась изнутри. Сам того не желая, Кэм принялся гадать, какого цвета у нее могут быть глаза. Наверняка тоже необычного.

Кэм поднес к губам чашку в тот момент, когда новая гувернантка подняла голову, одарив сияющей улыбкой помогавшего ей лакея, и он едва не подавился остывшим кофе.

Черт побери, Хелен!

Не Хелен де Северз. Хелен Мидлтон. Хотя минуло одиннадцать бесплодных лет и все его юношеские иллюзии окончательно развеялись, Кэм был совершенно уверен, что узнал бы ее где угодно. Поначалу он даже подумал, что его кучер забрал не ту пассажирку, и где-то среди шума постоянного двора «Роза и Корона» стоит растерян-

ная гувернантка, которую забыли встретить. Простая, разумная женщина средних лет в подобающем одеянии. И все же это не ошибка. Граф был совершенно уверен.

Боже милостивый! Он молился о чуде, рассылая объявления с приглашением гувернантки, и кого же Всевышний с Брайтсмитом прислали ему? Хелен!

Когда он увидел ее рекомендацию, необычное имя сразу бросилось ему в глаза, погрузив его в воспоминания о первых испытанных им сладостных мгновениях. С тех пор он, что совершенно необъяснимо, плохо спал. Вероятно, его подсознание цеплялось за те воспоминания. Может быть, он надеялся увидеть ее.

Надеялся?

О нет! Единственное, на что он надеялся, — это больше никогда не видеть Хелен Мидлтон.

Ее проводили в большой, но просто обставленный мужской кабинет, предложили угощение, от которого Хелен отказалась, и в ожидании его светлости оглядела комнату, отметив про себя ее явную мужскую ауру. В уголке мирно дремала, свесив белую лапу, толстая рыжая кошка, занявшая большую часть массивного кожаного кресла.

— Ah, le chat botte, — пробормотала Хелен, присев. — Bonjour!

Сонная кошка приветствовала ее широким зевком, продемонстрировала все свои зубы, потянулась и опять задремала.

Хелен прошлась по кабинету, где никогда раньше определенно не бывала. Это скорее библиотека, потому что в центре стоял огромный стол, а вдоль трех стен тянулись массивные, от пола до потолка, книжные полки. В центре задней стены было глубокое окно эпохи короля Иакова I, на подоконнике лежала старая подушка.

Это была первая изношенная вещь, которую Хелен увидела в Халкот-Корт. Все остальное выглядело безупречным — от элегантных колонн у въезда в имение до явно новых турецких ковров, украшавших внушительный холл. Разительный контраст по сравнению с пребывав-

шей в запустении усадьбой в дни ее юности! Новый лорд Трейхерн, очевидно, взял в ежовые рукавицы своего беспутного папашу, не допустив, чтобы имение превратилось в груды развалин.

Взгляд Хелен скользил по книжным полкам, где стояли разные книги, сначала по темам, потом по размеру. Шкаф у окна был целиком отдан поэзии, и некоторые сборники вышли совсем недавно. Она взяла потертый томик, и он, к ее удивлению, раскрылся на одном из ее самых любимых стихотворений лорда Байрона — «Красота подобна ночи».

Она поставила книгу на полку и задумчиво пробежала взглядом по корешкам. Надо же, как странно. Покойный и, вероятно, не сильно оплакиваемый Рэндольф Ратледж никогда не производил впечатления человека, увлеченного литературой. Но если ей не изменяет память, его светлость унаследовал имение от Кэмденов, родителей жены. Отсюда и имя его старшего сына. Может быть, все тома в красивых переплетах принадлежали им. Или это книги самого Кэма.

Она мысленно посмеялась над своей глупостью. Конечно, это его книги. По условиям брачного контракта его матери новый лорд Трейхерн всегда был наследником Халкота. Но потом, видимо, старый Рэнди Ратледж каким-то образом заполучил титул, который теперь перешел к старшему сыну. Титул достался Рэнди от престарелого двоюродного дедушки. Так, по крайней мере, рассказала ей няня. Но Ратледж владел им всего два месяца и преставился — наверняка от чрезмерно бурных празднований! Хелен не могла припомнить, чтобы в семье ожидали титул, но готова была поспорить на последнее су, что ее матушка прекрасно об этом знала.

Хотя прошло столько времени, Глостершир, да и сам Халкот казались ей почти не изменившимися. Хелен была поражена тем, как спокойно и хорошо она чувствовала себя здесь. А почему она должна испытывать страх? Последний раз она приезжала сюда в семнадцатилетнем возрасте, Кэм тоже был молод, они тогда очень дружили. Возможно, он даже обрадуется ее приезду.